

Каллистрат Жаков

Жаков Каллистрат Фалалеевич (1866–1926), выдающийся учёный, философ, писатель, родился 30 сентября 1866 г. в д. Давпон (ныне – пригород Сыктывкара) в крестьянской семье коми-зырян. Профессор Психоневрологического института, организованного академиком В.М. Бехтеревым. Литературная деятельность К.Ф. Жакова начинается в 1905 году с выхода его первой книги «На Север, в поисках за Папом Бур-Мортом» и цикла стихов «Песни Пама-Бур-Морта» в «Зелёном сборнике». Самым крупным произведением является автобиографический роман «Сквозь строй жизни» (1912–1914). Его перу принадлежит и литературный эпос «Биармия» (1916). В историю науки он вошёл как финно-угровед, исследователь этнографии и фольклора финно-угорских народов России и, в первую очередь, народа коми, а также как литературный критик, исследователь прозы Кнута Гамсуна, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Андреева, Альфонса Додэ. Он занимался лингвистикой, математикой, астрономией, педагогикой, оставил труды по философской гносеологии, логике, но в истории философии более известен как создатель философско-религиозной системы, названной им лимитизм – «философия предела», основы которой заложены уже в его первой философской работе «Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания» (Спб., 1904).

Биармия

II

КОМИМОРТ

Лес мой древний, лес священный,
Дай мне песен величавых!
Покажи мне все тропинки,
Их узоры меж деревьев,
Их изгибы у подошвы
Старых сосен, стройных елей!
Ты раскрой мне все богатства:
Родников, ключей истоки
И начала рек великих
В пармах тёмных, беспросветных,
Очертанья скал гранитных
И столпов порфиroidных!
Научи ты заклинаньям,
Силе чар могучих тунов!
Покажи ты птичьи гнёзда
На вершинах острых елей,
Гордых сосен над холмами!
Милый, милый лес священный!
Кто познал немые тайны –
Долго будет жить на свете!
Белый ягель, мох хрустящий

На холмах сине-кудрявых,
Гулко-звонких под ногами!
Гряды-кочки золотые
У краёв низин болотных!
Словом просьбы к вам иду я!
Не ленитесь, расскажите,
Кто здесь был в веках минувших,
О делах их благородных
Вы поведайте подробно!
Так я плакал, заклиная,
Слёзы лил в лесах дремучих!
Ворон старый тут сказал мне,
Слово молвил он такое:
«Пальцы ног твоих могучих
Ты направь на мглистый север,
Волока пройди без горя,
Пресекая горы, доли,
Лоно рек переплывая,
Без вниманья к шуму леса,
Песнопеньям водопадов,
Говорливых вод теченьям.
Миновать ты должен дальше
Груды скал тёмносенистых;
Вправо, влево не гляди ты,
Шири рек, горбы течений,
Островов туманных стаи –
Ты оставь всё без вниманья;
День, другой, за ними третий,
И ночей не меньше также,
Ты иди без дум, оглядки.
На тебя тут с гор высоких
Серая избушка глянет
В два окна с крыльцом скрипучим.
И войдёшь в избушку эту –
Старец у стола там пишет,
Были, небыли – всё знает.
Борода в аршин длиною,
Кудри белые, как льдинки,
Очи чёрные, как небо
В час полночный, в час гаданий,
В стужу зимнюю без вьюги.
Обратись со словом к старцу:
«Комиморт, старик безгрешный!
Сказочник ты несравненный!
На́больший ты тун-волшебник,

Покажи ты мне рубины
Древних сказок, песнопений;
Хризопразы прибауток,
Слов народных отдалённых;
Те алмазы слёз великих
Поколений позабытых;
Халцедоны поговорок,
Мудрых притчей незабвенных;
Все кораллы вод зелёных,
Островов великолепных
В океанах светлоструйных,
Близ течений многошумных,
Близ пупа земноморского;
Чудеса свои раскрой ты,
Вымыслам всем дай движенье;
Пусть посева дум великих
Вырастают без препятствий
На полях рассказов светлых,
На полянах кисти вольной,
Кисти старой, величавой,
Многодумной, сладострастной,
Быстроцветной, переливной».
Старец тут уста откроет –
Развернёт клубок он песен
Длинной лептой многоцветной.
Сам увидишь сонм героев.
Многославных, дивно мудрых
Тех времён давно минувших».
Ворон так промолвил слово,
Путь он верный указал мне,
Знак он дал, ведущий к делу,
Линию провёл прямую
К цели жизни, к утешенью
И к забвению неизбывной
Скорби сердца, скорби мира.
Тут открылся ящик песен –
Синей дымкой вылетали,
Сизым паром выходили
Песни древности воскресшей;
Развернулся клуб тех нитей –
Серебристых, золотистых
Поздно вечером у бора,
Близ ключей певуче-звонких,
У истоков рек хрустальных,
Близ фонтанов, вечно бьющих

Из земли, из недр глубоких;
Развернулся клубок сказок
Старины волшебной-тайной,
Древности на вкус приятной;
Выходили тут, клубясь,
Рои пчёл, жужжа крылами,
Диких шмелей на закате,
Над травой ароматной,
Над ромашкой полевой,
Жёлто-белой, с лепестками
Нежными, как утро мая; –
Нет, не пчёлы то жужжали
И не шмели там роились:
Звуки – песни, сказки – краски,
Прибаутки, поговорки
Там кружились, волновались,
Извивались, в кольца гнулись,
Выпрямлялись стрелой дальней;
Тугой лук был там великий
И стрелок был несравненный,
Тун-волшебник, житель леса,
Чудо-тайна, приворожник,
Чаровник и обоятель,
Комиморт красноречивый,
Сердцевед и чернокнижник.
Если с шишками из злата,
Сосны красные на парме,
Ветви-кудри их из бронзы
В час вечерний, в час заката –
Поклонились сосны, ели,
Комиморту честь воздали.
Как запел тот сладкогласно,
Искрививши рот широкий;
Наклонил главу он набок
И к щеке приложил руку,
На ладонь он упирался
Головой своей кудрявой:
Пел он день, неделю даже,
Напролёт все также ночи.
Хляби неба так богаты
Дождевой водою сладкой,
Грудь земли неистощима
Рудами металлов горных –
Так певец был многозвучен,
Многошумен – голос жизни.

Нет конца словам священным
Старины певуче-громкой,
Так луна не устаёт ведь
В беге жизни в выси дальней,
Солнце движется всё время,
Исполняя повеленье
Бога вышнего за небом.

III

ПРИСКАЗКА КОМИМОРТА

Леший в пармах колобродит,
Красные штаны надевши
И кафтан зелёный сверху;
В красной шапочке гуляет
Меж деревьев многошумных,
Вихрем буйным мчится в дали,
У ручьёв звонко-поющих,
У великих рек кристальных,
Меж камней седых, недвижных,
Мхом зелёным вкруг обросших.
Йома-баба тут стучится
В двери красные избушки
У пригорка, на равнине.
Тут вошла она в избушку –
И в окно глядит уж баба,
Древняя хозяйка леса.
Лоб в морщинах, руки-плети,
Щёки впалые у Йома.
«Ой, вы, дети, дети пармы, –
Говорит она тут слово. –
Все деревья ведь внучата
Бабушке-хозяйке леса;
Принесите кошку, дети,
Чёрную, без белых пятен,
И костёр здесь разведите.
Кошки чёрные на башнях
Вдаль глядят, мяучат хором,
Бешенно хвостами движут,
Дико-злобно подняв кверху
Чёрные хвосты на воздух».

.....

XIII

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЕВ

День один, другой, и третий,
Уж десяток насчиталось –
Всё плывут герои наши,
Вместе с ними и царевна,
Благочестная девица
Знаменитой Биармии.
В устье Эжвы уж проникли,
Вычегды-реки широкой;
Острова все миновали,
Отмели, мысы остались
Позади, вдали тумана.
Вновь запел Вэрморт-кудесник –
Лишь теперь он вдохновился.
Он ударил в струны домбры,
Пятью пальцами коснулся
Струн священных, полных силы,
И запел он, вдохновенный:
«Чудо дивное случилось!
Мы звезду сорвали с неба,
Тайны неба принесли мы
Вниз, на землю, чудодейно:
Посмотрите – Райда в лодке,
В утлой лодке князя Перми!
Именитая царевна,
Кардора цветок весенний,
Дочь Оксора – чародейка
Многославной Биармии!
Здесь она, меж нами, в Парме!
Что за радость, что за счастье?
Горний цвет и миг блаженства!
С моря-океана жемчуг
Мы достали песнопеньем.
Миг великий, миг священный!
Ты застынь, остановись здесь!
Боле ничего не надо,
Будущего нам не нужно,
Прошное исчезло также!
Яур, князь рыжебородый!
О, взгляни на деву Райду
И усни в блаженстве вечном!

Знай, звезда упала с неба
И в руке твоей блистает,
Озаряет мир лучистым
Взглядом вышины небесной.
И ты, Райда, веселися,
Сердцем радуйся, царевна!
Севера дитя, красотка,
Алый венчик дикой розы,
Лепесток ромашки белой
В золотистом поле, в пармах,
Где ячмень растёт привольно,
Жёлтый злак между травой!
Красный клевер ты, царевна,
Близ берёз зеленокудых!
Белый клевер на полях ты,
Средь лугов тех ароматных!
Ты красуйся в горной Перми,
Ласточкой живи меж нами.
В горницах красуйся в светлых.
Посмотри, над нами крыша –
Меднокованное небо –
Алой лентою румяной
Опоясано по краю;
Темя неба – синь, лазурь там;
Солнце нас не забывает,
И луна плывёт над Пермью!
А над небом – древний старец,
Енмар-Бог неизречённый!
Во дворце, за сводом неба
Он читает книгу правды
И вершает по законам
Все дела земли и неба.
Дом его – хрусталь зелёный,
Стены – чистые алмазы,
Крыша – сталь лазури звонкой,
Пол – небесный свод и звёзды.
Горнему внимай ты, дева,
И живи спокойно в пармах!
Яур, князь рыжебородый,
Опираясь на советы
Мудрой девы Биармии
Как на каменные горы,
Совершит немало дел он
И великих и полезных!»
«Слышны звуки с жёлтой Эжвы,

Чьи-то звуки золотые!
И Вэрморт колеблет струны,
Струны домбры старо-древней», –
Так деревья все сказали,
Глядя с берега на лодку,
Яура ладью на волнах.
Взволновались тут сосны,
Ели, пихты и берёзы,
Жимолость в ложбинах старых,
Ольхи красные в низинах
И черёмухи на тайгах,
Ивы гибкие близ Эжвы,
Матушки реки великой,
Челядь прочая повсюду
И кустарник дикой розы –
Тот шиповник на вершинах
Красных гор, вблизи увалов,
Можжевельник невысокий,
Липы, скромные малютки,
Волчьи ягоды в долинах –
Серьги красные в ушах их,
И рябины-честолюбцы
С гроздьями пурпурных ягод,
Кисло-горьких чрезвычайно.
Лиственница, дочь леса,
Речь держала по-иному,
Обратившись к сестрицам:
«Издивитесь, сестрицы,
Чуду новому меж нами
И неслыханному раньше.
Яур, князь рыжебородый,
Косолапый сильный Оспи
И Вэрморт, кудесник славный,
В древний город поспешили,
Красный Кардор знаменитый,
Усыпили Биармию
Песнопеньем чудодейным,
Усадили в лодку князя
Райду, мудрую царевну,
Привезли сюда с собою
В утлой лодке невеликой,
В малой лодочке проворной.
Вот она сидит меж ними,
Дочь солнца с Бела моря.
Всю Двину они проплыли

И живые все вернулись;
Век не слыхано то раньше
И невидано то было».
Зашумели все деревья,
Головами закачали,
Руки-ветки поднимали
В синий воздух, к крыше неба;
Песнопеньям предалися
Все деревья в синей парме:
«Шилих-лили-сине-гили,
Торо-гото-ара-гили-
Роко-тото-гымда-гато,
Ули-лили-пуаня».
Звуки песен тех деревьев
Услыхали звери, птицы,
Заорали, закричали,
Загудели, затрубили,
Заревели и запели,
Голосили, выли, ныли,
Защелкали, замурчали,
Засвистели, зашумели,
Запорхали, взволновались,
Побежали все на Эжву,
К Вычегде хрустально-струйной.
Страшный топот тут поднялся,
Гул и звон тут раздавался.
И холмы все зазвучали,
Горы сини зазвенели,
Небо тучами покрылось –
Стаей птиц заволоклося.
Что за диво тут случилось,
Чудо-юдо приключилось!
Яур, князь рыжебородый,
Доброе промолвил слово:
«Что за топот раздаётся
С берегов звончато-гулких
И с холмов тех отдалённых,
Что за тучи там, на небе –
Облака вдруг поднялися,
Солнце красное закрыли?»
И Вэрморт, игрок великий,
Он ответ держал разумно:
«То не тучи, а соборы
Птиц, пернатых песнопевцев
Поднебесных в синей выси;

Топот гулкий раздаётся
От шагов зверей огромных,
К нам бегущих, к синей Эжве.
Звери, птицы нас встречают
И с почётом принимают
Деву Райду, дочь Солнца
И Луны золотоликой,
Госпожу свою навеки».
Тут всплакнули все герои,
Умилённые душою;
Как алмазы, лились слёзы
По щекам царевны Райды.
Ночь прошла, настало утро.
Новый день великолепный
Проходить стал над страную.
Яур, князь рыжебородый,
И царевна Биармии,
С ними Ошпи Лыадорса –
Вверх по Вычегде плывут все,
К Джеджим-парме вдаль стремятся.
Яур-князь, владыка Перми
Слово мудрое промолвил:
«Посмотрите-ко вы, братцы,
Вы послушайте с вниманьем:
Где-то топот раздаётся
И становится всё ближе.
Нет ли где погони тайной?
Час неровен, осторожность
Не мешает человеку,
Всё бывает в этом мире
Коловратном, переменном –
Дождь сегодня, завтра солнце,
И обратно тож бывает».
Тут Вэрморт, игрок великий,
Речь держал он по-иному:
«Вон я вижу самоеда,
Самоеда с Биармии,
По одежде вижу ясно;
На оленях поспешает,
К нам вдогонку он стремится,
Вот и голос раздаётся».
И гонец тот Биармии
Закричал с горы высокой:
«Яур, князь рыжебородый,
И царевна, дочь Оксора,

Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
Вы послушайте словечко,
Ведь насили я догнал вас
На оленях быстроногих!
Царь Оксор уже проснулся,
Править начал вновь страну.
Весточку он посылает
И добра он вам желает,
Шлёт привет свой князю Перми
И любовь свою царевне,
И на брак благословенье.
Гнева нет в душе Оксора,
Любит всех душой великой
И на свадьбу он приедет
В дальний Джеджим вверх по Эжве.
Биармийцы все проснулись
И с прошедшим примирились,
Кошки чёрные на башнях
Вновь мячат прежним хором,
И собаки вновь уж лают,
Также цербер, пёс великий,
Ноет, воет с визгом, гиком
И хранит он, как и прежде,
Город Кардор многославный.
И воскрес уж Рымда-воин –
Он из камня в человека
Превратился, стражем стал он,
Как и встарь, всей Биармии».
Так кричал с горы высокой
Самоед, гонец проворный
И обратно тут поехал
На оленях быстроногих,
В санях мягких, вдаль скользящих
По траве зелёно-жёлтой.
Путь направил в Биармию,
Весточку царю Оксору
О царевне тут понёс он,
Что жива-де дочь Оксора
И плывёт-де в малой лодке,
С Яуром стремится в Джеджим.
А царевна прослезилась,
Плакала о Биармии,
Об отце своём о славном.
По щекам лилися слёзы,

Те алмазы протекали,
В лодку падали на дно уж.
Тут её утешил Яур,
Слово мудрое сказал он:
«Ты не плачь, царица Райда,
Твой отец придет в Джеджим,
Он на свадьбу к нам прибудет
И нас всех благословит он,
И на счастье, и на радость
Будем жить мы все спокойно».
Утерла тут слёзы Райда
Белою рукой – алмазы,
Успокоилась надолго.
Вновь божественное утро
Наступило над рекою,
Неустанно вверх всё плыли,
Беспрерывно вдаль стремились
Средь лесов могуче-вольных –
Многославные герои.
Жёлтые пески сменялись
Синью пармы многогорной,
Красным берегом порою,
Вдаль идущим, прямо в горы.
Миновалось устье Выми
Быстротечной, каменистой –
Древней Емвы желтоглазой.
Сыктыв-ю затем остался
Позади уж у героев.
Пресекли и устье Локчим,
Той реки глубоководной.
Вишера их повстречала,
Желтоводная река та,
Но они не оставались
В устьях рек и дальше плыли.
Синие вершины Джеджим
Напоследок показали
В одно утро над рекою.
Поклонились тут герои,
Увидавши горы Перми,
Прослезились, взволновались.
Родина ждала их с лаской –
Матерью была героям
Джеджим-парма над рекою.
Дом сосновый увидали
На горе той Джеджим-пармы;

Дом родной свой видел Яур.
Туча чёрная поднялась,
Небо синее покрылось
Облаками так внезапно,
Солнца лик закрылся вскоре,
Гром ударил тяжко-грозно,
То не туча ведь была там
И не облако носилось:
Птица Рык закрыла небо,
Голос птицы прозвучал тут,
Словно гром небесный, грозный;
Птица Рык сказала слово:
«Яур-князь обратно прибыл
По моей великой воле
И привёз с собою Райду;
Радуйся, живи по правде,
Делай всем добро и пользу,
Принеси стране предгорной.
И ты, Райда, успокойся:
Сына принесёшь ты вскоре,
Он придёт ко мне на горы,
На горах Уральских будет
И увидит в пармах чудо:
То яйцо великой птицы,
Птицы Рык – судьбы железной».
Так сказавши, удалилась
Божья птица вдаль, на горы;
Тучи чёрные исчезли,
Солнца лик открылся снова,
Заблестал великолепный
День, как раньше, лучезарно.
Лодка утлая приплыла
К Джеджим. Вот остановилась
В устье речки светлоструйной.
Многодумно выходили
Тут герои все из лодки –
Яур, князь рыжебородый,
И царевна Биармии,
Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий.
Встали на песок прибрежный,
Мужиков тут увидали.
Все работники на пармах –
Яура они спознали,
К берегу все прибежали.

Женщины, подростки, дети
С криком, с шумом появились
Возле Эжвы многоводной,
Поклонился весь народ тут
Чужеземке именитой,
Дочери царя Оксора,
Словом добрым утешали
Жители горнистой Перми.
К дому князя подошли тут,
На крылечко поднимались
Яур и царица Райда.
И вошли они в избушку,
В горницу вошли неспешно,
В белую светлицу в доме.
А Вэрморт, игрок великий,
К хижине своей пошёл он
Возле речки светло-синей.
Он на гвоздь повесил домбру,
И – на отдых ту певицу
В хижине своей сосновой
С белоснежною стеною.
Сильный Ошпи Лыадорса
К кузнице шаги направил,
Что была там, в синей парме.
Он ковать принялся спешно
И мечи, и копья князю.
Так вернулись те герои
В Джеджим-парму, стали жить здесь
Жизнью вольной меж деревьев
И в домах своих сосновых.
Райда часто выходила
Из избушки той сосновой.
Под ногами – белый ягель,
А кругом – светёлка леса...
И мечтала тут царица
О былом и о грядущем
И о сыне предречённом.

XVI

Силы высшие природы,
Горные ручьи и реки
Отдалённого жилища –
Рая-неба – притекайте,
Утолите жажду духа!

Духи неба, приходите
К одинокому скитальцу
И внесите думы сердца
К сердцу мира для слиянья.
От людей далёк мыслитель,
Тайны мира все постигший,
Всем он чужд и непонятен.
В двери жизни он напрасно
С болью тайною стучится.
Род людской – он не услышит
Звуки песен нелюдимца,
Странника он прочь погонит.
Умереть он должен был бы.
Не погиб же оттого лишь,
Что есть Бог на дальнем небе.
Собеседник он прекрасный
И единственный – страдальцу.
Мой Отец. Велик ты, вышний!
Будь во мне, и жив я буду,
Стану петь и славословить
Жизни смысл в груди могучей,
Поспешай, любимец сердца!
Поселись в моей ты келье,
И тогда я успокоюсь.
Одобрения прошу ль я?
Никогда! Так приходи же,
Дух родной мой, снизойди ты!
Будь во мне – здоров я буду.
Он пришёл. И домбру взял я,
Всеми пальцами ударил
В золотые струны домбры –
Прошлое воскресло снова.
Я живу здесь безгреховно,
Одинокий песнопевец,
И пою в пустыне дикой
Для себя и для деревьев,
Тех товарищей священных,
Соучастников в твореньи
Дум великих, незлобивых.
Боги леса, вы идите
К нам на пир великолепный
Дум прекрасных, вечно юных
И мечтаний голубиных,
Юности, давно минувшей,
Детства золотого в парме
Многоречной, многогранной.

XVII

Мы расскажем и споём мы
На той домбре семиструнной,
Как наш Оксы, мудрый Яур,
Пригласил гостей на свадьбу –
И с Печоры отдалённой,
И с Двины широководной,
С Выми жёлтой, болотистой,
С Вишеры-реки прозрачной,
С травянистой тундры светлой,
Из-за гор Уральских синих,
Из Сибири беспредельной –
Отовсюду пригласил он.
Как он праздновал ту свадьбу,
Знаменитую доныне.
Что за гости приезжали,
Что за речи говорили
В временах тех отдалённых,
Кто чем славил день великий,
Выхвалял красу царевны
Райды, дочери Оксора.
Забывать никак невозможно
Дел минувших песнопений,
Подвигов скрижали в пармах.
Яур шлёт гонцов к Оксору
В город Кардор отдалённый,
Также Рымду приглашает
С берегов Двины великой.
Тюреньшой сам на оленях,
В город Кардор он поехал
С первым снегом чрез болота.
Тюреньшой, волшебник Выми,
Тун-кудесник он народный
И пророк, и сердцеведец –
Он поехал в Биармию.
Друг почётный князя Перми
Чаровник и тун Вередня,
Он на лыжах на Печору
Путь держал порою зимней:
Пригласить владыку Югры
Сямдея он согласился.
Беренделя, князь вогульский,
Приглашён он был Вэрмортом.
Того-Лого, тундр хозяин,

Извещён он был Вэрмортом,
Обоятелем и туном
Вишеры, страны холодной.
С дальней Лузы приглашали
Кочеморта, коновода
И правителя страную.
Бариткулу из Си[ндора]
Приглашали самоеды,
Яура друзья на тундрах.
А в кумирне возле леса
Яур-князь, принёс он жертвы
Духу Ярморта из тундры,
Птице Каленик молился
Оксы Яур и на свадьбу
Приглашал он их усердно.

XVIII

Славьте, славьте Бога Енмар,
Бога неба, Бога правды,
Устроителя вселенной
И творца всех тварей мира.
Если будете послушны
Слову старца Комиморта,
Дальше он споёт вам песню
О царевне белой Райде.
Если не её бы воля,
Не был жив бы песнопевец,
Не дрожали б струны домбры.
Безболезненно, чудесно
Ен соткал все книги жизни
Комиморта-песнопевца
В ткань едино-чудодейну.
Превосходит мудрецов Он
Разумом своим великим
Многократно, бесконечно.
И даёт наивным людям
Долголетье, силы жизни,
Разума порыв могучий.
И хранит, оберегает
Любящих Его святое
Имя во все дни, веки.

XIX

Льдом хрустальным и снегами
Уж покрылись горы, реки,
Всё дремало в зимней сказке
Во дворце кристаллов ярких;
Пурпур солнца красил горы,
Покрывал румянцем реки.
В сновиденьях жили сосны,
В тихих сказках проводили
Время жизни пихты, ели,
Можжевельники, рябины,
Лиственницы, ольхи, липы.
В белых малицах сидели,
Прикорнув там, все деревья;
В совиках тех белоснежных
Тихо спали горы, доли,
Дивным грёзам отдаваясь
Безмятежно, беззаботно.
О, зачем весь мир не сказка,
Сказка зимняя на парме?
О, зачем святые грёзы
Исчезают, как туманы
В утра час блаженно-вещий
И не длятся на закате
Беспрерывно, беспредельно.
Поднималось солнце юга
И на север приближалось.
Спины рек тут вверх поднялись,
Льды дворцов тут разломались,
И обломки понеслися
К морю дальнему, на север.
Стаи птиц летели с юга
Вослед солнцу торопливо.
А небесные гагары –
Белых облаков соборы –
Устремлялись в пармы, в тундры.
Как открылись реки пармы,
Гости славные приплыли
Отовсюду в Джеджим-парму.
Царь Оксор весною ранней
На оленях прибыл в Джеджим
Через тундры и болота,
Весь в меха куницы, векши,
Горностая тундр далёких

Был одет он, сын Рамдая,
С ним же вместе караваны
Биармийцев в белых пимах,
В совиках тех ярко-красных;
В их ушах висели серьги
Из кристаллов синих, красных.
Как тут Райда увидала
Старого Оксора, слёзы
Полились из глаз царевны.
Как росинки в божье утро
На лугах дрожат, сверкая,
Так блестели слёзы Райды
На лице её прекрасном.
Щёки, руки целовала
Старого отца царевна;
Волосы её он гладил,
Царь Оксор, рукою нежной.
Он приветствовал как сына
Яура, владыку пармы,
Пожимал рукою руку
Князя Перми многогорной.
В виде тури появился
Дух Ягморта величавый,
Стал ходить он вокруг дома,
Как журавль с далёкой тундры.
Каленик же, прилетел он
С моря Белого на пармы,
Как матёрый лебедь старый.
На крыльцо он вверх поднялся
Величаво и неспешно.
В лодке прибыл Беренделя,
Князь вогульский; с ним же вместе
Лодок стая приплывала –
Именитые все гости.
На оленях прибыл Сямдей,
Югры царь он знаменитый.
Он с Печоры появился
С караванами оленей.
Горностаи и чёрный соболь
Украшали князя Югры,
Драгоценные одежды.
Самодейский старшина тут,
Того-Лого, мудрый старец,
На собаках появился
И во двор он въехал важно.

На коне верхом приехал
Кичиморт с далёкой Лузы,
С ним Лунморт, кудесник редкий,
С берегов чудесной Сыктив.
Бариткула из Сибири
На оленях прибыл скоро,
С ним народы с гор высоких
Из-за Камня, за Уралом.
Тюреньшей, волшебник Выми,
Обоатель, тун-кудесник;
С Вишеры Войморт прехитрый,
Он на лыжах раньше прибыл.
Много, много именитых
Появилось на Джеджим
Витязей, гостей всё знатных –
Перечислить нам невозможно,
И нет сил имён запомнить.
Вот в хоромах белоснежных
Поместились герои,
Вкруг столов и по порядку
Сели чинно на скамейках
Именитые пришельцы.
Все приехали на свадьбу
Белой Райды многославной.
Возле Райды поместился
Царь Оксор, а по другую –
Яур-князь. А недалёко –
Птица Каленик, как лебедь
Матерелый, белоснежный.
Тури-Ягморт сел подальше,
Он за Яуром направо.
Прочие все гости рядом
На скамейках заседали
Величаво, грозно, чинно.
А Вэрморт, пророк великий,
Он сидел далёко, молча,
С ним же Ошпи Лыадорса.
На столах лежали рыбы
Рек прозрачных светлой пармы,
Птицы всех родов там были,
Яства вкусные дымились.
И предались насыщенью
Тихо, молча все герои.
Тут по знаку князя Перяш
Заиграл Вэрморт чудесный,

Пятью пальцами ударил
Он по струнам домбры древней.
Зазвучали, прослезились
Золотые струны домбры,
Слюды окон зазвенели,
Потолки жилища князя
Задрожали и запели.
Вздогнули сердца героев,
Взволновались тут мужи.
«Енмар! – восклицали гости,
Именитые герои. –
Не слышали, не видали
Никогда подобных звуков».
И Вэрморт, игрок великий,
Тут запел о Шудаморте,
Песню древнюю о тундрах.
«Шудаморт – он был у моря,
На краю земли великой
В пору зимнюю на лыжах,
У лукоморья вод замерших,
У холодных льдов хрустальных,
Во дворцах зеркально-льдистых
И зелёных тех избушках.
Дева солнца проживала
В замках светлых льдов гористых.
Птица Каленик летала
Над домами девы-солнца.
Лишь порою становилась
Дева чудная у окон.
Пурпур покрывал в те поры
Крыши всех домов хрустальных,
Стены ж синью окрашались.
Несказанно любовался
Шудаморт красою девы,
Сквозь слюду прозрачных окон
Созерцая с гор туманных
Льдов великих – деву-солнце.
«Выходи ты поскорее
Из дворцов своих хрустальных,
Несравненная девица,
Солнца чудо, из избушки.
На крыльце твоём стою я,
Шудаморт, жених прекрасный».
Так кричал со льдов зеркальных
Шудаморт; девицу звал он,

Деву-солнце из чертогов
Неизвестных, несказанных.
Не решилась дева-солнце
Выйти из дворца на берег,
Оставалась в чертоге
Медно-льдистом, покрованном
Северным сияньем неба,
Птицей Каленик чудесной,
Крыльями богини светлой.
Звёзды неба собрались,
Много, много их там было,
И все звали деву-солнце:
«Выйди, выйди ты, красotka,
Без тебя темно ведь в мире.
Ты оставь дворец хрустальный,
Несказанный, медно-льдистый».
Не послушалась их дева
И в избушке оставалась.
Звёзды плакали на небе,
Шудаморт решился с горя
Умереть на льдах хрустальных.
Тут медведица явилась
С малой дочерью своею.
Накормила Шудаморта
Сладким жиром пса морского,
Что лежит всегда при море.
Люди все зовут тюленем
Пса морского и лентяя.
Так медведица спасала
Шудаморта в лукоморье.
Серый волк порой являлся,
Приносил во рту зубастом,
От яранов взявши даром,
Сладкий ломтик белой рыбы.
Жив остался Шудаморт наш
В ожиданьи девы-солнца
И живя в избушке льдистой.
Звери лютые питали
Северянина на тундрах,
На холодном снежном взморье.
Енмар, Бог небесный, видел
Все дела зверей незлобных;
Взял медведицу на небо,
Дочь её в свои чертоги.
И медведица блистает

Семизвездьем и донине
В небе Севера прекрасном.
Тут же рядом и дочурка
Той медведицы пресветлой.
Енмар взял и волка также
На небесные равнины.
Тот гуляет по равнинам
Неба всюду сопричастным
Райской жизни бесконечной.
Дева-солнце скоро вышла
Из чертогов медно-синих,
Из-за полога тумана.
Целовала тут, на взморье,
Шудаморта тайно-скрытно.
И блаженным стал наш Шуда,
На губах его улыбка,
Безымянное веселье.
Счастья первенец прекрасный
Шудаморт, герой блаженный!
Уступи отрывок счастья,
Дай удачу всем героям,
Здесь собравшимся, на свадьбу
Знаменитой белой Райды
С Яуром на Джеджим-парме!
Поцелуем девы-солнца
Поделился, сам счастливый.
Взвесели сердца великих,
Здесь собравшихся, героев,
Именитых чужестранцев
И своих мужей достойных.
Шудаморт, любимец пармы,
Приходи сюда скорее –
Да польются лучи света
На столы гостей желанных!»
Так он пел, Вэрморт-кудесник,
На пиру в светлице князя.
Подивились, взволновались
Гости все, услышав песню,
Неизвестную героям:
«Никогда, ни в кои веки
Не слышали этой песни
Чудодревней, сладкозвучной».
Так сказали в один голос
Именитые все гости.
Тут заговорили разом,

Все не в меру расхвалились.
Первым говорить стал вскоре
Царь Оксор, старик премудрый.
Молча слушали другие
Речь отца царевны Райды.
«Раз варяги появились
В светлом море, все викинги.
Вторглися, потом толпою –
По Двине-реке на лодках.
Стали грабить все кумирни,
Золото и серебро тут
Уносили в лодки спешно.
Я напал на них, варягов,
Окружил их тёмной ночью.
Побежали все варяги
В море белое обратно».
Так Оксор повествовал тут
О делах своих военных.
Сямдей, царь югорский с тундры,
Рассказал всем: «Самоедов
Покорил я быстро-скоро,
Чудной силой обладая».
И Ягморт развеселился,
Говорил он о победах
Над варягами при жизни.
Берендея, князь вогульский,
О набегах на сибирцев
Рассказал, смеялся громко.
Птица Каленик, тот лебедь,
Засверкал внезапно в доме
Быстрой молнией без грома.
Испугались герои
Стрел молнийных чудной птицы
И умолкли все надолго.
Превзошла познанием тайным
Птица Каленик всех смертных
И бессмертного Ягморта.
Яур, князь рыжебородый,
Головой дал знак Вэрморту.
В руки взял тот снова домбру
И ударил он по струнам
Древней домбры величавой.
И запел Вэрморт-кудесник:
«Воспою красу царевны,
Дочери царя Оксора,

Цвет Двины лучисто-светлый.
О, царевна, дева Райда!
Земляника в светлой парме
И черника с голубикой
Шепчут тихо всем деревьям:
«Сладость наша ведь ничтожна
По сравненью с девой Райдой.
Райда слаще ягод пармы,
И цветы её роскошней
Белых лепестков-цветочков
Земляники с голубикой».
Утром рано голос молвил:
«Губы Райды превосходят
Алым цветом многократно
Все шиповники на пармах.
Мы ничтожны по сравненью
С светлой девой Биармии».
А ромашки полевые,
Васильки в траве зелёной
В один голос все сказали:
«Если б было можно с девой
С той сравниться, с синеглазой,
С дочерью царя Оксора
Нам красою многоцветной –
Счастливы безмерно были б
Все цветы земли прекрасной.
Но сравненье невозможно:
Дева краше землеродных
Всех цветов лугов и пармы».
Облака однажды в небе
Речь держали меж собою,
Груды белые купая
В сипом воздухе прозрачном:
«Груды белые у Райды
Превосходят, и стократно,
Наши груди, туч великих,
Синих облаков прекрасных».
У гранитных скал великих,
Мхом обросших, стародревних
Про журчал родник хрустальный
Поздно вечером о Райде:
«Голос Райды, он милее
Лепета воды журчащей
На закате солнца неба».
Все алмазы на Урале

И кристаллы горных высей
В один голос утверждали:
«Слёзы девы – вот алмазы,
Высшей ценности кристаллы –
Слёзы девы Биармии».

Утром рано на листочках
Чуть дрожали капли-слёзы
Той росы небесно-горной.
Капли-слёзы те сказали:
«Плакала царица Райда,
Капли-слёзы с глаз лучистых
Девы Райды истекали.
И глаза царицы-девы –
Звёзды неба – так мерцали,
Улыбались и грустили!
Если плачет та царица –
Все цветы, деревья в парме,
Звери лютые и люди,
Небо и земля по кругу –
Плачут вместе с дивной девицей,
С украшением нашей жизни».

Пестроцветна, ненаглядна
Сказка сердца, дева Райда.
Песнопенье светлой домбры,
Цвет-краса и диво-чудо –
Синеглазая красотка.
Мы приносим жертвы девице,
Ненаглядная царица.
Со вниманием дар прими ты –
Дар убогий песнопевца,
Всех гостей, великих, малых
И героев многославных».

И заплакал царь Оксор тут
И все гости прослезились.
На колени все тут встали,
Поклонились девице-жрице,
Райде светлой, синеглазой.
По щекам же белоснежным
Протекали у царицы
Те алмазы, гор кристаллы
И росинки – слёзы девы.

XX

Древняя сосна стояла
На холме среди деревьев,
Головою покачала,
Речь сказала напоследок:
«Сосны, ели, пихты, ольхи,
Посмотрите вы, сестрицы,
Что там деется у князя
В светлорадостных хоромаш.
Собралися все герои
В гости к князю, все на свадьбу,
С юга, с севера, с заката
И с востока, с гор великих –
Именитые все мужи,
Многославные герои.
Царь Оксор с своей царевной,
Биармийцы вместе с ними.
Птица Каленик, тот лебедь
Чудодейный, неизвестный,
Тури-дух, двойник Ягморта
На пиру сидит по смерти,
Как живой герой великий.
Он бессмертным оказался
За страданья и гоненья
Тяжкие при жизни долгой.
Много, много там народу,
На той свадьбе знаменитой.
Веселятся гости князя,
Пьют, поют без объясненья
И в хоромаш и вне дома;
Во дворе досчато-гладком
Состязаются в познаньях,
Охмелённые напитком –
Добрый суром, пивом чёрным,
Той домашнею усладой.
И в борьбу вступили гости,
Силы пробуя друг друга.
Тури-орт, двойник Ягморта,
Оказался всех сильнее;
Каленик в познаньях выше
Прочих всех героев славных.
А Вэрморт всех удивляет
Звоном домбры величавой.
Райда, светлая царевна,

Несказанно удивляет
Всех собравшихся на свадьбу
Чудодейною красою,
Несравненно под солнцем.
Свадьба длится бесконечно,
И пируют непрерывно,
День, другой, уже недели
Миновались так быстро».
Так сосна всем говорила,
Всем собравшимся деревьям.
И глядели все деревья
На пирующих у князя.
С гор великих наблюдали
Подвиги героев славных
И красу царевны Райды,
И дивуясь звоном домбры
Вечно юной, многодливной.
Звери, птицы в светлой парме
Услыхали разговоры
Сосен, елей, пихт и ольхи
О пирующих героях
И о свадьбе знаменитой,
Всполошились чрезвычайно,
И медведь сказал тут слово:
«О, друзья дремучей пармы,
Звери, птицы, братья, сёстры,
Обошли нас злоковарно
И не звали к князю Перми,
К тем пирующим героям,
Мы на свадьбу золотую
Приглашенья не имеем.
Самовольно устремимся
Мы теперь на пир великий».
Побежал затем он в гости,
Косолапый, на ту свадьбу.
Бурый волк был недоволен
Невниманьем белой Райды
К жителям всех гор лесистых –
Самозванцем устремился
К Яуру, на пир Оксося.
Заяц, рысь, лиса и белки,
Горностаи и куницы,
Выдры, соболи – все звери
Бросились густой толпою
К Яуру во двор досчатый,

Окружили все хоромы
С гиком, с криком, с тяжким рёвом
И царапали когтями
Стены дома безбоязно.
Ястреба тут полетели,
Коршуны со скал далёких,
Вороны с боров дремучих
И сороки, галки, совы,
Филин сам черно-могучий
С сильным клювом с крючковатым,
Засвистали, заворчали
И запели птичьи хоры
Над домами князя пармы.
Испугались все герои,
Всполошились не на шутку,
Увидав зверей собранье,
Услыхавши шум, рычанье,
Свист и гвалт, и крик немочный,
За мечи взялись, за копыя
Все пирующие в доме.
Яур, князь рыжебородый,
Дал тут знак певцу Вэрморту.
И Вэрморт, игрок великий,
Взял он домбру, ту певицу,
Чародейку древней пармы.
На крыльцо он сел, волшебник,
Пальцами ударил в струны
Золотые домбры старой.
Звон раздался сладко-гласный,
Тихий, нежный поначалу,
Грозным стал он напоследок.
Рокот струн – был он подобен
Грому неба с выси дальней
В синеоблачных вершинах.
Расплескались напитки,
Яура дом покачнулся,
Расшатались горы в пармах,
На дворе разбились камни.
Тут умолкли звери, птицы,
Задрожали все герои.
Тишина была повсюду.
Голос лишь певца Вэрморта
Раздавался повсеместно,
Вдохновенно свыше пел он:
«Вот как было, дети пармы,

В временах давно минувших,
Подвигов величьем полных.
Шондыморт, волшебник старый,
Был на юге он далёком.
Перед ним ревели ветры,
Океан шумел волнами.
Плыл он в лодке тесной, малой,
В утлой лодке-легковеске.
Испугался волн и бури
Шондыморт в пределах моря,
На равнинах зыбью полных –
К берегам направил лодку.
На холмах он увидал тут:
Звери лютые стояли
И ревели, выли, ныли,
Подняв морды в воздух, к небу.
Слева море, справа звери –
Шондыморт тут растерялся
И взмолился Богу неба.
Енмар горний,
Он раскрыл тут
Полог неба светло-синий
И дворцы свои на небе
Показал он Шондыморту.
Реки неба протекали
И деревья вырастали
Там, за садом занебесным.
Шондыморт всему дивился,
Созерцая реки неба,
И деревья вырастали.
Бог сказал ему в ту пору:
«В север дальний устремился,
Шондыморт ты, к деткам милым
И к супруге полногрудой.
Дома ты живи отныне
И о жизни, и о смерти
Размышляй ты всё почаще».
И вернулся в север дальний
Шондыморт к делам домашним,
Малым деткам и к супруге
К белоснежной, к полногрудой.
Размышлял он больше, чаще
И о жизни, и о смерти».
Так играл и пел кудесник,
Наш Вэрморт, игрок великий.

Звери, птицы удалились
К деткам малым, в свои норы,
В гнёзда в пармах светло-синих.
Вспоминали тут герои
О домах своих приятных,
О супругах полногрудых,
Малых детках беспомощных.
Прекратили пир великий,
Распрощались с царевной,
С Яуром, владыкой Перми,
И разъехались по странам,
Кто на юг, а кто на север,
И на запад все другие,
Прочие к востоку, в горы.
Птица Каленик, тот лебедь
Светло-белый, величавый,
Он простился с мудрой Райдой,
Пожелал добра он князю
Яуру, счастливцу пармы,
Улетев затем на север.
Сямдей – волоком в Печору
Он отправился обратно.
И уехали все гости
Друг за другом, чередою.
Царь Оксор тут плакал много,
Удивлённый песнопеньем,
Чарами родного зятя.
С дочерью простился нежно
И пророческое слово
Он сказал, на небо глядя:
«Долго проживёте, дети,
И счастливо, благодатно.
Бог даст сына в утешенье
Яуру и светлой Райде.
Много будет огорченья
Вам от сына; напоследок
В сладость обратится, дети,
Всё страданье ваше в жизни.
Будет он великим, дивным,
Сын ваш Югидморт чудесный».
И, сказавши, он уехал
На оленях в Биармию,
Царь Оксор, Двины хозяин.
И в хоромах лишь остались
Яур и его супруга

Райда, светлая красotka.
Тут взглянули друг на друга,
Улыбнулись – счастье, слава,
Всё тут им принадлежало.
А Вэрморт, игрок великий,
К хижине своей пошёл он,
Домбру там на гвоздь привесил
В ожиданьи дел грядущих,
Песнопевец безгреховный,
Редкой силы приворожник,
Обаятель, тун-волшебник.
У окна сидел он в доме,
Вдаль глядел, на волны жизни,
Прозревая всё, что будет,
И всё зная, что наступит
В дни ближайшие и дальше –
В временах, ещё не вскрытых
И в возможностях туманных,
Неизбежно к нам идущих
Ближе, ближе, хоть неспешно.
Ошпи, сильный Лыадорса,
Снова в кузнице творит он,
Из металлов созидает
Всё, что нужно людям в парме
Ежедневно и всечасно.
Держит молот он тяжёлый
В поднятой руке могучей
Там, над огненным горнилом.
Меди звон и стук железа
Раздаются в синих пармах.

XXI

Зарнигэтыр говорила
И у люльки распевала,
Югидморта утешая,
Сына Райды в Джеджим-парме,
Первенца-красавца в зыбке,
Енморта рукой качая:
«Не шуми, малыш прекрасный,
Не вертись в зыбучей люльке,
Ты соси-ко лучше соску
Из оленьего да рога,
Молоком питайся в сладость,
Молоком коровки нашей,

Той Лозанки добродушной,
Что пасётся на просторе,
На лугах зелёно-тучных;
Да не плачь ты, ведь никто же
Не кусает в мягкой люльке
Яура любимца – в зыбке
Насекомых нету вовсе,
Успокойся, сын царевны.
Сам царевичем ты будешь.
Что ты машешь всё ручонкой,
Ножкою пинаешь люльку
И кричишь ты неразумно –
Ау-уа-кя-тя, тя-ля-ля».
Югьдморт так отвечает
Той старушке старомодной:
«Ки-ти ля-ля-пи-па-та-та...»
«Полно, полно, – Зарнигэтыр
Наставляет Югьдморта. –
Прыток больно спозаранку,
Пап да тять да, рано, рано
Говорливым стал мальчишка,
Вырастешь – болтушкой будешь,
Лучше слушай, не мешай мне,
Не перечь старушке древней,
Будь послушным ты ребёнком.
В старину луна летала
Над землёю близко-близко.
Злые дети забросали
Белый месяц камнем, грязью;
Рассердилася луна тут
И ушла высоко в небо.
Югьдморт, не делай это,
Не бросай в луну каменья.
Как же можно белый месяц
Оскорблять нещадно, дерзко?
Будешь добрый – придёт месяц,
Как бы зайчик на крылечко.
Сядет месяц, ухмыльнётся –
Светлый, белый, серебристый.
Ты погладь его рукою».
«Ау-уа, кя-тя, тя-ля-ля,
Ки-ти, ля-я, па-па, та-та», –
Югьдморт так отвечает
Той старушке старомодной,
Лёжа в люльке беззаботно.

«Полно, полно, не перечь мне,
Больно прытко отвечаешь,
Слишком рано старым людям», –
Зарнигэтыр вразумляет
Непослушного мальчишку,
И добру всё дальше учит:
«Коль придёт медведь к нам в гости,
Ты не бей его ручонкой,
Не пугай красавца леса,
Хлебца дай ему кусочек,
Угости дружка из пармы
Творогом в корыте чистом.
Также выпить, ведь он мастер –
Пиво любит он безмерно.
На добро добром ответит
Он потом в лесу дремучем,
Будет знать он сына князя –
Никогда уж не обидит
Сына Райды в светлой парме.
Югидморт, ты помни это,
Через плечо добро ты бросишь
Впереди себя, малютка,
На дорожке встретит в пору
И поклонится тут в пояс
Югидморту, скажет: «Здравствуй».
Слушай дальше притчи-сказки,
Дитятко, внимай старушке.
Если вол придёт к нам в гости,
Не стреляй его из лука.
Серый волк – колдун известный,
Он поможет в дни несчастья,
И герою он – на пользу.
Накорми его ты мясом,
Обласкай пришельца пармы,
Он уйдёт и всем расскажет,
Как ты добр, земли владыка.
Понял ли ты сказки-притчи,
Прибаутки, поговорки,
Аль добро уж не по сердцу
С юных лет малютке Райды?
Вишь, глаза уж закрывает,
Утомился, чай, наш мальчик.
Ничего, поспи, прекрасный,
Насладися сном блаженным,
Сном дитяти безгреховным.

Сын мой милый, ненаглядный,
Много бурь ты в жизни встретишь,
На пути препятствий тяжких,
Накопляй ты силы жизни,
Силу духа, бодрость тела.
Будь великим, многославным...
Вот ресницы золотые
Опустились у малютки,
Звёзды-очи позакрылись.
Спи, мой милый, ненаглядный».
«Шуашокса – тили-чини,
Мы скучаем, ёлки, в пармах,
Ты утешь нас, Зарнигэтыр,
Покажи нам сына Райды», –
Ёлки тихо говорили,
Простирая ветви-руки
К окнам терема на Джеджим.
Тот лежал и спал глубоко
В зыбке-люльке, Югьдморт наш.
«Я рукой поглажу только
Голову малютки Югьд,
Не проснётся, не узнает,
Сладость жизни я познаю,
Прикоснувшись к молодому
Телу сына солнца Шонды».
Но старушка, отвечая,
Так премудрая сказала:
«О, никак не можно это,
Наш малютка спит глубоко,
Видит сны он голубые,
В небе носится на крыльях
Юный дух малютки нашей».
Матери родной коснуться
Не позволила б старушка
К Югьдморту в тихой люльке
Сон его оберегая.
Дочь Оксора, посмотревши
На лицо дитяти Югьд,
Вдаль отправилась на пармы.
Вместе с нею и девица –
Молодая Гарья-Яг-ныл.
Долго шли супруга князя
И девица Гарья-Яг-ныл
Вдоль реки лучисто-светлой,
Любовались лесами,

Берегом высоким, красным.
Повстречались коровы.
Все спешили уж обратно
В деревеньку, уж к ночлегу.
Раздавался звон коровий –
Колокольчики звонили
На Лозанках и Чернушках.
И пастух за ними плёлся –
Старикашка с тонкой плетью.
Дальше, дальше направлялись
Райда белая с девицей,
Подбирали в набирушки
Красные грибы попутно,
Там и ягоды встречались
Красной, синей полосами.
Грудью полною дышала
Райда светлая меж сосен.
Вот и остров недалеко,
Тут мысочек за горою.
Чу! Раздался шум. И говор
Слышен иноземный. «Гарья,
Кто же это?»- так спросила
Изумлённая дочь пармы,
Яура жена-красотка.
«Сердце Райда, поскорее
Побежим назад неслышно,
Ведь разбойники кругом тут,
Пьют, едят и веселятся.
Скажем Яуру мы, князю:
Нападут они на дом наш
Ночью тёмною сегодня...»
Побежала дочь Оксора,
С нею вместе Яг-ныл-Гарья.
Задыхались, устали,
Нет уж мочи, но бегут всё,
К дому милому стремятся –
До разбойников дойти бы.
И дошли и рассказали
Князю Яуру всю правду.
«Приготовься, милый Яур,
Ведь разбойники плывут к нам».
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий –
Сели в лодку тут герои

И поплыли вниз по Эжве
Тем разбойникам навстречу.
За горою и за мысом
Яур, князь рыжебородый,
Увидал толпы людей он –
Там разбойники сидели,
Пировали, веселились
На песках близ синей Эжвы.
Атаман их говорил всем:
«Яура возьмём мы в полон,
Уведём супругу Райду,
Из кумирниц мы похитим
Серебро в тяжёлых слитках,
В длинных прутьях драгоценных.
Ночь наступит – нападём мы
На жилище князя пармы,
Сонных воинов мы свяжем».
Вот Вэрморт, игрок великий,
Заиграл он тихо-тихо
И запел потом он нежно
Песню-заговор могучий:
«Приходите, прилетайте
С севера, с востока, с юга
Звери, птицы, боги, люди,
Чародеи с древней пармы.
Каленик – «молнийны перья»,
С моря дальнего спешу ты,
Тури-Ягморт светлой тундры;
Бог великий, вихорь буйный,
Приходи с лесной дубинкой,
Укроти врагов могучих;
Бог воды с железным зубом,
Утопи ты в волнах Эжвы
Недругов земли прекрасной;
Куль подземный, поспешай же,
Обхвати врагов всех разом,
Унеси их в глубь пещеры,
В недра мрака скал подземных.
Там все мужи умирают,
Где нет света солнца вовсе;
Йома страшная на пармах,
В ельниках темносенистых,
Где встречаются дорожки –
Безымянные тропинки,
Неизвестно, кто там ходит,

Злобно-мрачно чего ищет
В тех тущобах беспросветных;
Страшно, страшно человеку,
Сыну света в чреве мрака,
Где сова ночная стонет,
Чёрный филин вечно ноет.
С тех ужасных мест далёких
Приходи ты, баба Ёма,
Утащи клюкой железной
Всех врагов родного края.
Недруги великой пармы,
Страх вонзится в вашу душу,
Коршун ночи прилетит к вам,
И замрёт душа живая,
И уснёт она надолго,
Будет спать и дни, и годы
Беспробудно, без сознания.
Ужас чёрный – ближе, ближе
Он подходит тихо, тайно,
Окружает и объемлет».
Так Вэрморт играл на домбре,
Песни-заговоры пел он
Поздно вечером у леса.
И разбойники уснули,
В сон глубокий погрузились,
Головы их наклонились
И к земле все притянулись,
И рядами все лежали
Те разбойники у леса
На песках лучисто-жёлтых
В сумраках глубокой ночи.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, кудесник дивный
Вышли на берег чредою
К тем разбойникам поближе.
Взяли на руки тела их,
Затащили сонных в лодки,
Оттолкнули лодки с мыса –
Вниз столкнули их герои
По теченью волн струистых.
Понеслися щепки-лодки
По хребту реки прозрачной,
По волнам, текущих к устью,
Дальше, к морю – в север тёмный.

Долго ль, коротко ль прошло тут,
Вождь разбойников проснулся,
Атаман, кудесник сильный,
И один поплыл обратно
Вверх по Вычегде великой.
Увидал тут между сосен
Яура, владыку Пармы.
Чан большой стоял у леса
И костёр пылал огромный.
Яур, князь рыжебородый,
Пиво к празднику варил он,
Пиво хмельное на парме.
Атаман сказал тут слово,
Сильно голос он возвысил:
«Сусло, стой Оксола князя!»
И князь пармы тут ответил,
Он разумно закричал тут:
«Остановись на волнах, лодка,
Пребывай ты неподвижно!»
Посмотрели друг на друга
Исподлобья те герои –
Атаман и храбрый Яур.
Варка пива прекратилась,
Сусло течь уж перестало.
Неподвижно стала лодка.
«Отпусти мою ты лодку», –
Атаман просил у князя;
«Коль пойдёт из чана сусло,
Лодка двигаться начнёт тут», –
Так отвечивал волшебник
Яур, князь рыжебородый.
Не течёт из чана сусло,
Неподвижно пребывает
На реке хрустальной лодка.
Атаман даёт тут слово
Уж не грабить Джеджим-пармы,
Плыть обратно, вниз по Эжве.
Отпустил тут лодку Яур;
Атаман, кудесник сильный,
Вниз поплыл рекой, обратно.
Потекло из чана сусло,
Варка пива продолжалась.

